

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИАМУРЬЕ

В.В. Городецкая,
доцент кафедры литературы,

Благовещенский государственный педагогический университет

«УХОДЯТ СТАРЫЕ ДОМА, А ПАМЯТЬ В СЕРДЦЕ ОСТАЁТСЯ...»

(образ дома в лирике В.А. Яганова)

Виктор Александрович Яганов наш земляк, амурчанин. Он родился 24 июня 1942 года в Благовещенске, в семье учителей. Отец преподавал в школе математику, а мать — русский язык и литературу. В 11 лет Виктор написал своё первое стихотворение. Приобщение к творчеству продолжилось в старших классах, техникуме, армии. Со стихами он теперь уже никогда не расставался. Выбрав профессию строителя, Виктор Яганов писал: «В душе живу я с песнею, // Душой тянусь к стихам».

В 1987 г. в Хабаровском книжном издательстве вышел первый сборник его стихотворений «Извлечение корня». Поэт стремился передать в своих стихах не только простоту и гармонию, но и глубину постижения жизни. В создании собственной художественной системы для него становятся поэзия С. Есенина и Н. Рубцова. Продуктивность такого диалога не только в сходстве или в желании быть похожим, но и в ощущении своего отличия, самостоятельности творческой мысли.

В начале 90-х годов вышли ещё две книжки стихов В. Яганова — «Тепло» (Благовещенск, 1992 г.), «Казачий разъезд» (Благовещенск, 1993 г.). Сколько бы ещё вышло сборников стихотворений Виктора Яганова, если бы 8 марта 2000 года не остановилось его сердце. В одном из своих стихотворений, «Двадцатый век», писал: «Век двадцатый - быстрый, нервный, // Свои нравы и свой лик... // Ну, а что там в двадцать первом? // Очутиться бы на миг». В двадцать первый век поэт пришёл со своими стихами, «веселыми и печальными, о жизни и о друзьях».

Почти в каждой книжке стихов В. Яганова есть стихотворения о родном городе, его «малой родине», с которой связаны самые

В.А. Яганов

дорогие сердцу поэта воспоминания о родном доме, улице детства, школе. В городе Яганова нет локусов публичной жизни, центром его является дом, который имеет не только пространственное, но и временное измерение: он связывает настоящее и прошлое, даёт возможность заглянуть в будущее.

С любовью пишет поэт о доме своего деда:

Дом моего деда:

Ставеньки, сени, крыльцо

В создании образа дома он следует славянской культурной традиции, в которой дом символизирует обжитое, упорядоченное пространство. А сад «в белом цвету ранет», окружающий дом, воплощает в себе архитипический образ счастливой жизни, исполненной мира и согласия:

Словно взбитые сливки,

В белом цвету ранет.

Воду ношу для поливки —

Мною доволен дед.

Жаркая нынче суббота,

Рот обжигает квас.

Банька в конце огорода

Ждет не дождется нас.

(«Дом моего деда»)

С образом деревянного дома связан образ «улицы детства»:

Улица детства,

Я снова с тобой.

(«Дом у границы»)

Улица – это «мир, манящий за собой», он открывается «за порогом, за калиткой».

Пространственный образ улицы связан с открытым миром детской души, исполненной радости познания жизни. Ощущения детства необыкновенно четки и свежи:

Сколько тайны в теплой луже,

Как душист березы сок!

В кулаке обед и ужин –

Хлеба черствого кусок.

(«Никуда от вас не деться...»)

У взрослого человека рождается новое видение улицы. В стихотворении «Имена» поэт с любовью рисует образ «Тихой улицы» с «крышами-панамками», «в зелени вязкой белый домик», ветлу у ворот. Лирический герой делает для себя удивительное открытие на столь родной и знакомой до боли улице:

Взяв как будто над памятью шефство,

Сообщают мне бланки домов:

Здесь живет Николай Чернышевский,

В этом – скромном – живет Пугачев.

Чтоб они, кем Россия гордится,

Были ближе во все времена,

Их потомки и однофамильцы

Детям те же дают имена.

Искусство поэта проявляется в выборе детали – номерного бланка. Он как страница истории, как мемориальная доска, как связующая нить времен. С помощью этой детали пространственный образ расширяется до пределов России, раздвигает границы времени, объединяет личные и общественные мотивы, любовь к «малой» и «большой» родине:

Я того же – славянского – племени,

Прохожу – моя поступь легка –

Тихой улицей, словно во времени,

Проплывают кварталы-века.

В стихотворении «Дом у границы» образ дома создается с помощью

повторяющегося эпитета «тихий»: «Тихий наш дом...». Слово «тихий» в стихотворении актуализирует такие важные для русской языковой картины мира смыслы, как «покой», «согласие», «лад». Эту картину дополняют детали: «под окошком укроп», «тополя у ворот», но некую тревожность вносит в этот мир образ границы у ДОТа:

В ста метрах от нашего

Тихого дома –

Вдавленный в землю,

.....

Череп ДОТа.

Образ ДОТа дается в восприятии лирического героя, подростка. Окоп напоминает мальчику сказочного дракона с «белым, обглоданным черепом», «глазницами сырыми», «огнедышащей головой», направленной на врагов мирного дома. В мифологии образ дракона, первого змея, приравнивается к могучим силам хаоса, противостоящим порядку жизни, гармонии. В стихотворении В. Яганова этот образ воплощает в себе идею защиты дома как микромоделю мира во всем ее многообразии и сложности:

Тихий наш дом,

Тополя у ворот,

Сени – в Россию,

Окно – на границу.

Был головой огнедышащий

ДОТ,

Дом защитивший

Как ока зеницу.

В трудные годы войны люди смогли защитить, отстоять свой Дом. Но со временем в городском пространстве деревянный дом становится символом прошлого. На смену дереву приходят железо, бетон.

Поэт замечает:

Спор о вечности молча ведут

С древней кладкой стекло и бетон.

(«Города»)

По-разному уходят из жизни города деревянные дома, унося с собой «огонь родного пепелища».

Недавно здесь, начав с крыльца,

Сносил дома битюг-бульдозер...

(«Фронтвик»)

Образ разрушенного дома в сердце его

хозяина отдается невыносимой болью и напоминает страшные картины войны:

Тяжелых гусениц следы,
Подполий рухнувших воронки...

Рядом стоят в белом цвету яблони, символ красоты и обновления жизни. Для хозяина дома они еще символ обновления рода:

Проститься к ним седой старик
Пришел, сверкая орденами.
Их называл, прильнув на миг,
В слезах мужскими именами.

Битюг-бульдозер скоро и по ним пройдет своими гусеницами, до конца разрушив мир «тихого дома», душевный покой его хозяина.

Как деревня противостоит городу, так и деревянный дом противостоит панельным и кирпичным великанам:

Еще крепкий собою,
С довоенной судьбой,
Дом с кирпичною трубою
Портил вид городской.
(«Дом»)

Слово «крепкий» становится ключевым в описании дома. Его содержание символически выражается через синонимический ряд: «крепкий собою», «добротная калитка» и др. Образ-символ «светлый мой дом» в фольклорном дискурсе славян соотносится с красотой, чистотой. Сочетание слов «светлый» и «портил» по отношению к образу города создают оксюморонный образ. Судьбу дома решает «мудрый ум россиян»:

Поработали вволюшку
Топором да пилой:
Разобрали по бревнышку
Светлый дом городской.
.....
На работу не хлипкие –
Мужики от земли –
Дом с добротной калиткою
На деревню свезли.
(«Дом»)

Слова «вволюшку», «по бревнышку» выражают бережное, любовное отношение людей к дому. Это не битюг-бульдозер, безжалостно разрушающий пространство дома. Дом не гибнет – он переезжает в село,

в нем будет жить молодая семья. Судьба дома сравнивается с судьбой возрождающегося села.

В новом контексте старый дом становится Домом символическим, вбирающим в себя живую память о множестве связанных с ним человеческих судеб, о людях, проживших под его крышею целую жизнь.

В известном смысле Дом предстает перед внутренним зрением поэта как аналог целого мира, вместившего богатство не только семейной истории, но и истории общенародной.

В современном городе главным локусом становится железобетонный великан. Для лирического героя он является «антидомом», символом распада человеческих связей:

Пустеет дом – панельный великан,
Уходим мы, легонько хлопнув дверью.
Квартиры наши внутренним замкам,
Как тайны сокровенные, доверив.

Мотив разобщенности людей выражается в таких образах, как дверь, замок, символизирующих отвержение, изоляцию. Дисгармоничность жизни передается в диссонансе третьей строфы, в резком, раздражающем звуке [з]:

А вечером безмолвные замки
Защелкают победно и парадно,
Как будто – безотказны и легки –
Затворы зорких фотоаппаратов.

Но поэт понимает, что этот дом подлинным домом могут сделать люди, и его вера выражается в названии стихотворения «Наш дом». Лирический герой не бежит от людей, напротив – ищет единения с ними, не просто общения, а именно единения: ведь тепло человеческих сердец невозможно закрыть на «внутренний замок непонимания»:

И пусть тепло домашних очагов
Нас согревает, не давая трещин,
А под охрану внутренних замков
Сдаем мы не уют, а наши вещи.

Для В. Яганова с образом дома связаны сокровенные думы о мире, ладе, счастье людей, без которых немислима жизнь.